

УДК 0.08

АКСИОСФЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

Суворова И. М.

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация

E-mail: suvormih@list.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью культурологического анализа аксиологического сдвига в отечественной культуре, произошедшего вследствие свершения русских революций 1917 года. Целью работы является выявление парадоксальной сущности смены ценностных доминант, имевших судьбоносное значение для развития аксиосферы отечественной культуры. Автором используется сравнительно-исторический метод в оценке аксиологических трансформаций культуры в ходе февральской и октябрьской революций и делается вывод о ее сущностном изменении на духовном, художественном и материальном уровне. С аксиологической точки зрения в исследовании анализируется смещение с доминантных позиций отдельных политических, религиозных и экзистенциальных ценностей. Наибольшее внимание автор обращает на вытеснение с доминантной позиции экзистенциальной ценности жизни в период двух русских революций, отмечая долговременность данной аксиологической тенденции вплоть до конца XX века. На базе обширного статистического материала в исследовании делается вывод об усугублении процесса обесценивания феномена жизни и нивелировании жизни и смерти в отечественной истории и культуре XX века. С социологической точки зрения автор оценивает данную трансформацию как парадокс трансформации аксиосферы культуры в результате общественных катаклизмов, когда вместо усиления доминантной позиции в истории отечественной культуры произошло ее ослабление. Следствием данной трансформации автор выявляет парадоксальность статуса экзистенциальной ценности свободы как несоответствие декларирования советских прав и свобод и их реализации в культуре и общественной жизни. В итоге делается вывод о переломном влиянии двух русских революций 1917 года на аксиосферу отечественной культуры, которое кардинально изменило ее ценностные доминанты и определило ее дальнейшее развитие в советский период.

Ключевые слова: аксиосфера, культура, революция, ценности, аксиологические доминанты, жизнь, вера, свобода, история, кризис.

Столетний юбилей двух русских революций сегодня является бесспорным аргументом в пользу актуальности анализа этих исторических событий, качественно изменивших аксиосферу отечественной культуры. Также актуальным видится постановка проблемы ценностей в современной культуре в условиях популяризации европейских ценностей как общепризнанных и их соотношение с отечественной традицией. Культурологический подход в данном анализе предполагает выявление целого ряда следствий революций 1917 года, повлиявших на динамику развития отечественной культуры не только в XX, но и в XXI веке. Автору представляется

серьезной проблемой исследование аксиологических изменений в культуре России, поскольку «культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей» [2].

Научная дискуссия относительно статуса февральской и октябрьской революций, возникшая в период перестройки, по сей день остается актуальной и по большей мере специфична для исторической науки. «При этом, говоря о кризисах, войнах, крупных социальных конфликтах и революциях в контексте изучения переходных эпох, исследователи все больше обращают внимание не столько на их непосредственную роль в процессе исторических преобразований, сколько на восприятие кризисных явлений и событий современниками» [15] и потомками. Если статус первой февральской революции относительно определен как «буржуазная, буржуазно-демократическая», а также имеет не вполне заслуженный статус «Великой бескровной Русской Революции» [7], то среди названий второй революции можно обнаружить взаимоисключающие: «октябрьский переворот» [18] и «Великая Октябрьская социалистическая революция» [9, с. 227]. Однако есть и иной взгляд на эти два события: считать их единой социальной революцией 1917 года, затянувшейся на несколько месяцев в контексте так называемой концепции единой революции [17].

С культурологической точки зрения каждая из русских революций значимо повлияла на развитие самой культуры в материальном, духовном и художественном контекстах. И в силу скоротечности событий (в пределах одного года) структурные изменения культуры (на уровне материальной, духовной и художественной) можно было бы объединить в контексте «концепции единой революции». Однако в свете аксиологического подхода к культуре автору видится принципиальная разница тех динамических изменений, которые произошли в аксиосфере отечественной культуры как следствие каждой революции в отдельности.

Если рассматривать аксиосферу отечественной культуры как синергетическую систему, то можно обнаружить, что накануне февральской революции 1917 года она находилась в состоянии диссипации под воздействием огромного количества внешних и внутренних флуктуаций. Поколебалась на своем «пьедестале» одна из древнейших для отечественной культуры ценностей – вера в царя как ключевую фигуру своего отечества, как гаранта национальной безопасности и духовной опоры.

Исторически роль русского «царя-батюшки» не только сводилась к верховному властвованию, но также предполагала защиту и проявление силы воли. Несмотря на почти вековую борьбу с самодержавием как пережитком прошлого, вера в царя, как бы заметил К. Г. Юнг на уровне коллективного бессознательного, оставалась определенной духовной опорой народа. Но «старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала Священная Русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция» [1, с. 293]. Николай II не смог в полной мере сыграть заданную роль в силу психологических и морально-нравственных особенностей своей личности, а потому его отречение от власти было воспринято народом как предательство царя. Вот как оценивали эту ситуацию современники: «Верили ли подлинно в помазанничество государя составители его

манифестов? Он сам в последние месяцы своей жизни явил высокий образец религиозно-нравственного характера и жертвенного патриотизма. Но если помазанник Божий ставит эмпирическое благо народа выше своего долга перед помазавшим его Богом, то он не понимает своего долга» [6, с. 163]. С отречением от царства одномоментно рухнула не только монархия, но и вся ценностная сфера культуры на уровне политических ценностей потеряла своеобразную скрепу, доминировавшую столетиями даже в условиях критического отношения к ней. Однако у зарубежных историков встречается иная точка зрения в оценке падения самодержавия, например у М. Левина: «Искрящаяся революция, которая произошла в России в феврале – марте 1917 г., полна необычных черт. Царскую аристократию на самом деле никто не свергал: она исчезла со сцены посреди войны, без какой-либо очевидной альтернативы» [8, с. 442]. Сомнение вызывает в данной оценке и явная эмоциональность, и определенный фатализм в судьбе самодержавия. Безусловно, причины его свержения были гораздо глубже и весомее, чем элементарный фатализм. У английского советолога Э. Карра это историческое событие оценивается уже более сущностно: «Февральская революция 1917 г., свергнувшая династию Романовых, была стихийным взрывом недовольства масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных тягот» [5, с. 75]. Данная оценка свержения самодержавия бесспорно может считаться объективной, поскольку базируется на анализе реальных исторических фактов и документов.

Современные отечественные исследователи рассматривают свержение монархии как идейный перелом в позиции либеральных сил российского общества: «Победа стихийного массового движения в Петрограде и в регионах над старым самодержавным режимом, который фактически рухнул, как подгнившее дерево, заставила либералов пересмотреть свое отношение к монархии, признав революцию “демократической”, “общенациональной” и “общенародной”». Это движение следовало возглавить, дабы оно в итоге приобрело политическую и правовую форму. Правда, уже в самом начале марта 1917 г. в газетных публикациях либеральной печати чувствовались ноты сомнения и скепсиса – давали о себе знать первые грозные признаки расползания власти и соответственно надвигавшейся анархии» [19, с. 35]. Таким образом, В. В. Шелохаев и К. А. Соловьев на основе анализа обширного историографического материала представляют позицию либералов (которые вплоть до февраля 1917 года поддерживали царя) в оценке свержения самодержавия как неоднозначное тревожное предчувствие грядущей анархии. Вероятно, по этой причине в отсутствии традиционной ценностной доминанты все дальнейшие поиски легитимной власти не увенчались успехом. А поскольку «русская буржуазная революция, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям» [1, с. 293], то поиски этой государственной легитимности продолжались вплоть до начала новой революции в октябре. Как свидетельствуют современные историки, «государственный аппарат Российской империи (при всех его архаичных чертах) мог стать базой для строительства, как правового государства, так и административно-командной системы. Временное правительство пыталось реализовать первый вариант.

Большевики с успехом реализовали второй» [12, с. 18]. Таким образом, Е. Н. Морозова и Д. И. Раскин утверждают, что даже после отречения царя от власти в ходе февральской революции прежний государственный аппарат мог быть адаптирован к новым условиям, более того, «вопреки расхожему тезису о сломах старой государственной машины реальная практика первых лет советского режима включала в себя, прежде всего, овладение старым правительственным аппаратом и приспособление его к задачам новой власти» [12, с. 21]. Также авторы данной позиции заявляют, что государственный «слом» являлся больше политическим лозунгом, чем реальной программой действий» [12, с. 8]. Подобное заявление больше соответствует формальному анализу проблемы смены политического режима и, как следствие, смены государственного управления, но сущностный подход к анализу этой проблематики обнаруживает ситуацию явного аксиологического кризиса власти или слома, реально состоявшегося в истории страны.

Подобный же кризис веры накануне февральской революции можно было наблюдать и в отношении собственно православной церкви, которая клеймилась позором еще с прошлого XIX века. Как свидетельствует современник событий Н. А. Бердяев: «В народе ослабели, подверглись разложению те религиозные верования, которые поддерживали самодержавную монархию» [1, с. 293]. Царившие в русской церкви пороки (пьянство, распутство и т. п.) стали притчей во языцех не только в народе, в кругах революционеров и философов, но и на полотнах художников-передвижников. То есть соотечественникам было недостаточно вербальной критики пороков церкви, но потребовалась и ее визуализация. Несмотря на организованный после отречения царя (который препятствовал данному событию) Поместный собор 1917–18 гг. как символ единения и очищения, православная церковь в период февральской революции также перестала выполнять функцию ценностной доминанты в русской культуре.

Таким образом, внутренние флуктуации в виде сверженной монархии и обличения церкви качественно изменили всю аксиосферу культуры на уровне политических, этических и религиозных ценностей.

Это трагическое изменение Л. П. Карсавин назвал «опасною болезнью “симфонической личности”», которая может привести не к новой государственности, а к смерти, к превращению народа в простой этнографический материал» [6, с. 158]. Вероятно, в таком состоянии «болезни» находилось российское общество в период между февральской и октябрьской революциями, когда определялась его судьба. «Либеральное движение было связано с Государственной Думой и кадетской партией. Но оно не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей» [1, с. 293]. Историками конкретно и подробно описаны все события этого этапа, проанализировано большинство причин краха Временного правительства и победы большевиков. Но с философской точки зрения можно сказать, что большевики в той драматичной ситуации проявили больше «воли к власти» и понимание того, что такое власть именем народа. «Недаром русские рабочие и русские крестьяне считают, что власть перешла к ним, и не придают значение хлесткой формуле: “не власть пролетариата, а власть над пролетариатом”» [6, с.

163]. В данном контексте декларируемые большевиками политические ценности свободы, равенства, братства оказались новыми доминантами, трансформирующими аксиосферу культуры. Однако «вместе с политическими формами народ разрушает свой социально-экономический и религиозно-нравственный уклад, расплавляя все в одном революционном потоке» [6, с. 165]. С синергетической точки зрения этот момент «расплавления» в аксиосфере отечественной культуры выглядит как пик хаоса, когда сама система находится в состоянии разбалансирования и диссипации и одновременно в ожидании фактора порядка, который выведет ее из этого состояния на путь аттрактора.

Таким фактором порядка очевидно можно признать концепт «новой государственности», выдвинутой большевиками как «власть народа: солдат, рабочих и крестьян». Так как по Платону «ближайшая к природе власть есть власть сильного» [13, с. 342], то в ситуации разрушительной революционной стихии такая власть способна утвердиться только благодаря насилию, что и произошло в русской истории в форме диктатуры пролетариата. Как утверждает Н. А. Бердяев, «по русскому духовному складу, революция могла быть только тоталитарной» [1, с. 293]. Оставим за скобками рассуждения о причинах, специфике и легитимности данной формы власти, поскольку для нас представляет интерес ее влияние на аксиосферу самой культуры.

В данном контексте очевидным следствием двух русских революций, Гражданской войны и установленной большевиками власти стала чрезвычайная по своей силе трансформация аксиосферы личности и культуры, которая обесценивала такую экзистенциальную ценность, как «жизнь». Безусловно, на процесс обесценивания жизни повлияла Первая мировая война, количество пострадавших в которой составляло более 60 % людских потерь от численности русской армии [16]. Об отношении к факту смерти и регистрации смерти в русской армии свидетельствует исторический источник: «Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, страдают в большинстве своем противоречивостью и разнобоями. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь. В результате разница, например в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров, колеблется в опубликованных работах от нескольких десятков тысяч до 1–2 млн чел. В подтверждение этого факта приводим здесь ряд цифр безвозвратных демографических потерь русской армии, взятых нами из разных отечественных источников: 511 068 чел., 562 644 чел., 626 890 чел., 775 369 чел., 908 000 чел., 2 300 000 чел., 3 000 000 чел» [16]. Данная статистическая «неаккуратность» в виде «неполноты и недостоверности материалов» демонстрирует парадоксальное отношение к феноменам жизни и смерти: при их противоположной сущности они уравниваются в ценностном осмыслении, т. е. теряется собственно «благоговение перед жизнью».

Это своеобразный аксиологический парадокс в истории отечественной культуры отразился и в искусстве: плакатах, поэзии, лозунгах и песнях того

времени («Даешь красный террор!», «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы свой, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем!», «Положи жизнь на алтарь революции!», «Нас ждет или смерть, или победа!», «В царство свободы дорогу грудью проложим себе!», «Домой вернемся молодцами, или геройски все умрем!»). Не менее яркими были полотна художников этого периода, которые раскрывали проблему пренебрежительного отношения к феномену жизни. Так, на полотне К. Ф. Юона (1921 г.) недвусмысленно показана картина гибели людей от «света Новой планеты» – революции; а большевик, шагающий в буквальном смысле по головам людей на одноименном полотне Б. М. Кустодиева (1919 г.), убедительно демонстрирует свое презрительное отношение к жизни «мелких людишек».

Также парадоксальное отношение к высшей экзистенциальной ценности обнаруживается и в правовом поле: смертную казнь большевики юридически отменили буквально на следующий день после своей победы, но восстановили уже через полгода.

Таким образом, большевики формализовали свое исключительное право на репрессивную деятельность по отношению к соотечественникам. Красноречивую статистику приводит в своей книге «История Советской России» Э. Карр: «Сообщения о карательных мерах ВЧК почти всегда отрывочны и ненадежны. Но существует кое-какая достоверная информация о репрессиях, которыми сопровождалось подавление множества восстаний летом 1918 г. В Ярославле восставшие продержались две недели, и, когда город был наконец взят, 350 из них расстреляли. В Нижнем Новгороде арестовали 700 «офицеров и жандармов» и местная ЧК «ликвидировала... белогвардейскую организацию, из которой арестованы почти все члены и часть расстреляна». В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. бывший царь и его семья были расстреляны в Екатеринбурге по приказу Уральского областного Совета. Когда 10 дней спустя городом овладели чехи, Уральская областная ЧК переехала в Вятку, арестовала там свыше 400 человек и расстреляла 35 «пойманных с поличным в заговорах». Когда в августе 1918 г. вспыхнуло «кулацкое восстание» в Пензе, сам Ленин по телеграфу передал указание «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» и советовал брать заложников, «отвечающих жизнью» за быструю и четкую доставку зерна. За этими скупыми сообщениями наверняка скрываются ужасы и жестокости, которые в пылу боя или хладнокровно совершают все партии, хотя в специальных отчетах это редко подвергается осуждению. Все эти факты, а также их преумножение, преувеличение и чистый вымысел, к которым прибегают враги, неизменно сопутствуют войне и революции такого яростного накала, каким отличалась борьба, развязанная в России событиями октября 1917 г.» [5, с. 143].

В 1919 году в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР утверждалось, что «Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс в переходный от капитализма к коммунизму в период диктатуры пролетариата» [14]. В 1920 году Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР

от 17 января 1920 г. на короткое время смертную казнь отменили, а уже через несколько месяцев приказом Реввоенсовета Республики от 4 мая 1920 г. вернули, оформив соответствующий государственный акт в качестве «высшей меры социальной защиты». Апогея пренебрежительности к ценности жизни советская власть достигла к середине 1930-х годов в период массовых репрессий, а в итоге с «1918–1953 годы по делам органов госбезопасности были привлечены к уголовной ответственности за разные виды преступлений 4 308 487 человек, из которых 835 194 осуждены к высшей мере. И, если в сентябре 1917 года в тюрьмах бывшей империи находилось 34 000 человек, то в январе 1952 года – свыше 2 500 000 человек» [11, с. 169]. Всего, с 1825 года по 1905 год, к смертной казни в царской России было приговорено 1397 человек, казнено 894 человека [10, с. 130], а за весь советский период (с 1918 по 1990 гг.) только по политическим мотивам было казнено 828 000 человек [3]. Данная статистика красноречиво свидетельствует об обесценивании человеческой жизни в послереволюционный период.

С социологической точки зрения парадоксальность ситуации заключается в том, что, по мнению Р. Инглхарта [4], в периоды после войн, революций и общественных катаклизмов в аксиосфере любой культуры на первый план всегда выступают так называемые материалистические ценности: сохранение жизни на биологическом уровне любой ценой и обеспечение безопасности жизни. По Р. Инглхарту, эти ценностные доминанты сменяются другими (духовными и художественными), когда ценности жизни уже ничего не угрожает («когда сытые люди живут в относительном мире и спокойствии»). Но обнаруживается, что в истории нашей страны этот период пренебрежительного отношения к ценности жизни драматично «затянулся», что повлияло не только на формирование аксиосферы отдельно взятой личности, но и на аксиосферу культуры в дальнейшем.

С психологической точки зрения тенденция к обесцениванию феномена жизни настолько повлияла на личное и общественное сознание, что сформировала у граждан такие устойчивые и разноплановые психические установки по отношению к смерти: животный страх и привыкание, равнодушие и цинизм. Это в свою очередь повлекло такие общественные явления: доноительство, подозрительность и замкнутость, что в совокупности лишало личность такой экзистенциальной ценности, как чувство свободы. Парадоксальность состояла в несовпадении декларирования и реализации свободы слова, свободы передвижения, свободы вероисповедания, свободы совести в СССР. И в результате декларируемая на каждом большевистском плакате ценность свободы постепенно утрачивала свое сущностное значение в политике, праве, морали, искусстве, что, в конце концов, дискредитировало саму советскую власть.

Таким образом, в период двух русских революций 1917 года произошел кардинальный перелом аксиосферы отечественной культуры, сместивший впоследствии с доминантных позиций традиционные ценности ушедшей эпохи и обесценивший человеческую жизнь и свободу. В качестве новых аксиологических доминант были декларированы: вера в победу коммунизма, патриотизм, коллективизм, интернационализм, право на труд, право на образование и т. д. Однако не все из декларируемых советских ценностей были реальными, а

пресловутый Моральный кодекс строителя коммунизма и самими современниками воспринимался скептически в силу «удаленности от реальной жизни». И это несовпадение декларативных и реальных советских ценностей породило в результате не только скептицизм, но и цинизм, формализм и «показуху» как негативные явления социальной жизни. В итоге через семь десятков лет аксиосфера советской культуры претерпела очередной перелом и трансформацию, но уже по другому «сценарию», отличному от 1917 года. Но аксиосферный перелом в период двух русских революций оказался наиболее драматичным и даже трагичным с точки зрения потери экзистенциальной доминанты «человеческая жизнь», которая во многом определила судьбы людей и судьбу страны.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб: Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.
2. Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1969. – 270 с.
3. Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР. URL: <http://istmat.info/node/19968> (Дата обращения: 13.07.2017).
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования). – 1997. – № 4. – С. 6–32.
5. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1–2. Большевицкая революция 1917–1923 / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – 763 с.
6. Карсавин Л. П. Феноменология революции // Русский узел евразийства / Л. П. Карсавин. – М.: Беловодье, 1997. – 525 с.
7. Катков Г. М. Февральская революция / Г. М. Катков. – М.: Русский путь, 1997. – 419 с.
8. Левин М. Советский век / М. Левин. – М.: Европа, 2008. – 680 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 35. – 600 с.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России. В 2-х тт. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т.2. – 584 с.
11. Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата / О. Б. Мозохин. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
12. Морозова Е. Н., Раскин Д. И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // Новейшая история России. – 2017. – №3 (20). – С. 7–23.
13. Платон. Государство / Платон. – М.: АСТ, 2017. – 448 с.
14. Постановление НАРКОМЮСТА РСФСР от 12.12.1919. «Руководящие начала по Уголовному праву РСФСР. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7311.htm> (Дата обращения: 13.07.2017).
15. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – 2012. – С. 3–37. URL: <http://roii.ru/r/2/1> (Дата обращения: 13.07.2017).
16. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под об. ред. Г. Ф. Кривошеева. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0623/analit04.php> (Дата обращения: 13.07.2017).
17. Троцкий Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – М.: Политиздат. – 1990. – 448 с.
18. Цурганов Ю. Идея «Великой Отечественной войны» как основа советской мифологии наших дней. URL: <http://www.posev.ru/files/articles/55.htm> (Дата обращения: 13.07.2017).
19. Шелухаев В. В., Соловьев К. А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // Новейшая история России. – 2017. – № 2 (19). – С. 33–43.

Suvorova I. M. Aksiosphere Paradoxes of Domestic Culture During Revolutions of 1917 // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 153-162.

The relevance of a research is caused by need of the culturological analysis and assessment of the changes in an aksiosphere to culture which have happened owing to fulfillment of the Russian revolutions of 1917. The purpose of work is clearing of dynamic changes aksiosphere of domestic culture at the level of valuable dominants. The author uses a comparative-historical method in assessment of axiological transformations of culture during the February and October revolutions and the conclusion about her intrinsic change at the spiritual, art and material level is drawn. From the axiological point of view in a research shift from prepotent positions of separate political, religious and existential values is analyzed. The author pays the greatest attention to replacement from a prepotent position of existential value of life during two Russian revolutions, noting long duration of this axiological tendency up to the end of the XX century. On the basis of extensive statistical material in a research the conclusion about aggravation of process of depreciation of a phenomenon of life and leveling of life and death in national history and the culture of the XX century is drawn. From the sociological point of view the author estimates this transformation as a transformation paradox aksiosphere of culture as a result of public cataclysms when instead of strengthening of a prepotent position in the history of domestic culture there was her easing. A consequence of this transformation the author reveals paradoxicality of the status of existential value of freedom as discrepancy of the declaration of the Soviet rights and freedoms and their realization in culture and public life. As a result the conclusion about critical influence of two Russian revolutions of 1917 on an aksiosfer of domestic culture, cardinally changed her valuable dominants and defined her further development during the Soviet period is drawn.

Key words: aksiosphere, culture, revolution, values, axiological dominants, life, belief, freedom, history, crisis.

References

1. Berdyaev N.A. Russkaya ideya [Russian Idea]. SPb., Azbuka-Attikus, 2012, 320 p.
2. Berdyaev N.A. Volya k zhizni i volya k kul'ture [The Will to Live and the Will to Culture]. Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by [A Sense of History. Experience the Philosophy of Human Fate]. Parizh, YMCA-PRESS, 1969, 270 p.
3. Zemskov V.N. O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR [On the Scale of Political Repression in the USSR]. Available at: <http://istmat.info/node/19968>. (Accessed: 13.07.2017).
4. Ingkharth R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: Changing Values and Changing Society]. Polis [Policy], 2008, no.4, pp. 6–32.
5. Karr E. Istoriya Sovetskoi Rossii [The History Of Soviet Russia. The Bolshevik revolution 1917– 1923]. B. 1. Vol.1–2. Moscow, Progress, 1990, 763 p.
6. Karsavin L.P. Fenomenologiya revolyutsii [Phenomenology of Revolution]. Russkii uzul evraziistva [Russian Site of Eurasia]. Moscow, Belovod'e, 1997, 525 p.
7. Katkov G.M. Fevral'skaya revolyutsiya [The February Revolution]. Moscow, Russkii put', 1997, 419 p.
8. Levin M. Sovetskii vek [The Soviet century] / Trans. from English V. Novikova, N. Kopelyanskoi. Moscow, Evropa, 2008, 680 p.
9. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii v 55 t. [Complete Works in 55 vol.]. Vol.35. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, 600 p.
10. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii. V 2-kh tt. [Social History of Russia]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, 584 p.
11. Mozokhin O. B. VChK-OGPU. Karayushchii mech diktatury proletariat [All-Russian Extraordinary Commission-United State Political Administration. Punishing Sword of the Dictatorship of the Proletariat]. Moscow, 2004, 448 p.
12. Morozova E.N., Raskin D.I. Stanovlenie sovetskoi gosudarstvennosti: ispol'zovanie imperskogo naslediya v sfere tsentral'nogo upravleniya [The Formation of the Soviet State: Using the Imperial Heritage Area Central Office]. Noveishaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 2017. no. 3 (20), pp.7–23.

13. Platon. Gosudarstvo [The State]. Moscow, 2017, 448 p.
14. Postanovlenie Narkomyusta RSFSR ot 12.12.1919. «Rukovodyashchie nachala po Ugolovnomu pravu RSFSR. Available at: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7311.htm> (Accessed: 13.07.2017).
15. Repina L. P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamyati [Experience Social Crises in Historical Memory]. Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati [Crises Critical Epochs in the Historical Memory]. 2012, pp. 3–37. Available at: <http://roii.ru/r/2/1> (Accessed: 13.07.2017).
16. Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the Wars of the Twentieth Century. The Loss of the Armed Forces. A Statistical Study]. Under. Ed. G.F.Krivosheeva. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0623/analit04.php> (Accessed: 13.07.2017).
17. Trotskii L.D. K istorii russkoi revolyutsii [The History of the Russian Revolution]. Moscow, Politizdat, 1990, 448 p.
18. Tsurganov Yu. Ideya «Velikoi Otechestvennoi voiny» kak osnova sovetskoi mifologii nashikh dnei [The Idea of the "Great Patriotic War" as the Basis of the Soviet Mythology of Our Days]. Available at: <http://www.posev.ru/files/articles/55.htm> (Accessed: 13.07.2017).
19. Shelokhaev V.V., Solov'ev K.A. Liberal'nye otsenki Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda [Liberal evaluation February Revolution 1917 Year]. Noveishaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 2017, no. 2 (19), pp. 33–43.